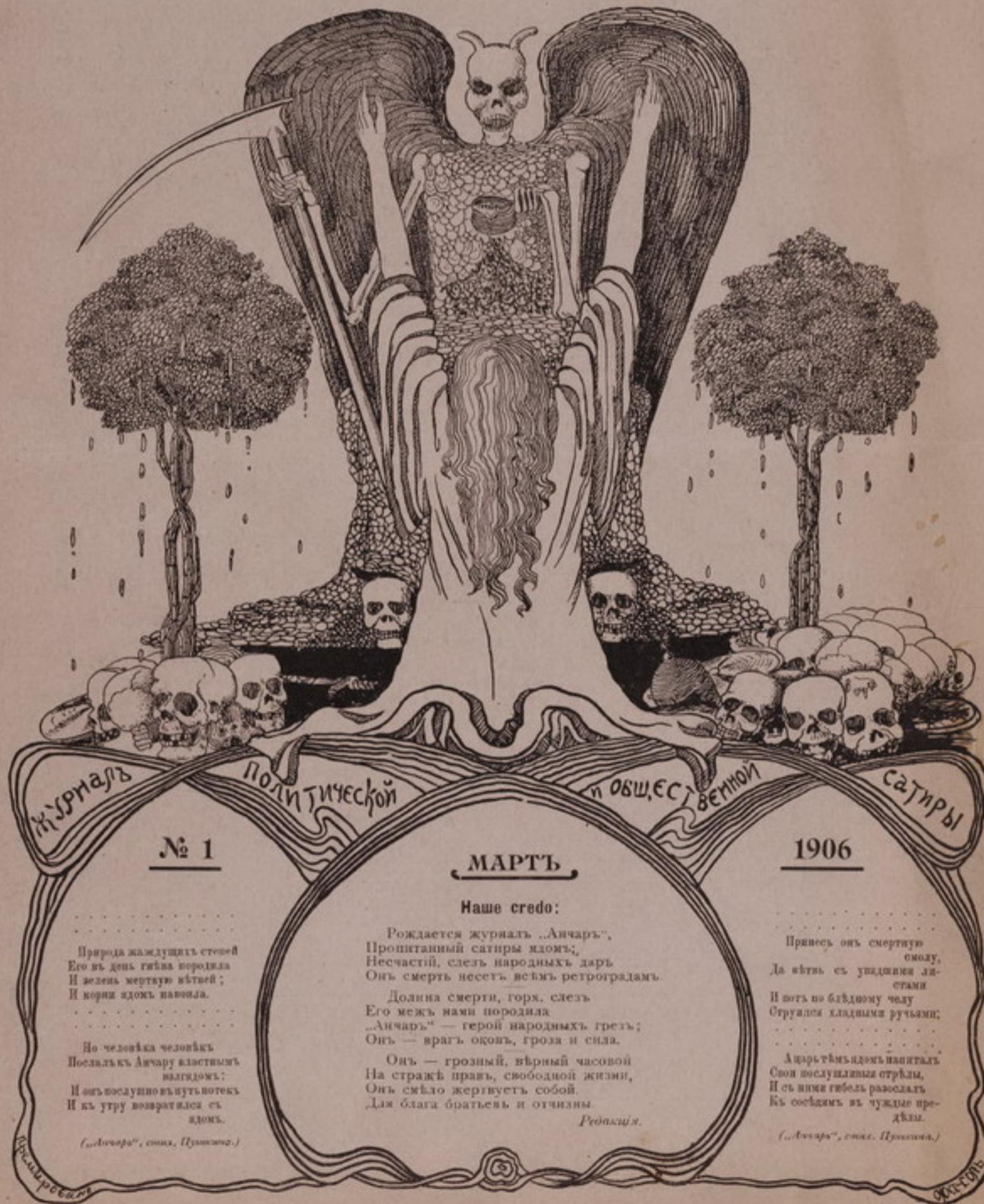

АНЧАРЬ

№ 1

МАРТЬ

1906

Наше credo:

Рождается журналъ „Анчаръ”,
Пропитанный сатиры идомы;
Несчастий, слезъ народныхъ дарь
Онь смерть несетъ всѣхъ ретроградамъ.

Долина смерти, горя, слезъ
Его межъ нами породила
„Анчаръ” — герой народныхъ грезъ;
Онь — врагъ оконь, гроза и сила.

Онь — грозный, вѣрный часовой
На стражѣ правъ, свободной жизни,
Онь смѣло жервуєтъ собой.
Для блага братіевъ и отчизны.

Редакція.

Принесъ онъ смертную
смоду,
Да вѣть съ увѣдкими ла-
стами
И вѣть по блѣдному челу
Струился хладними ручами;

Анчаръ тѣмъ ядомъ изнѣгъ
Свои послушливыя стрѣлы,
И съ ими гибелъ разослать
Къ сестямъ въ чуждыя пре-
дѣлы.

(„Анчаръ”, стих. Пушкинъ.)

Природа жаждущихъ степей
Его въ дни гѣва породila
И зеленъ жертву ютвѣ;
И корни ядомъ напоila.

По членъка человѣка
Послалиъ Анчару ядовиты
нападошъ;
И огнь послушновънуть потекъ
И къ утру возвращался съ
ядомъ.

(„Анчаръ”, стих. Пушкинъ.)

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1906 ГОДЪ

на еженедѣльный литературно-художественный журналъ
политической и общественной сатиры

„АНЧАРЪ“

Въ журналъ „Анчаръ“ принимаютъ участіе:

Въ литературномъ отдѣлѣ: Г. Б. Блаубергъ (Андрей Ростовцевъ), Браунингъ (псевдонимъ), Н. Н. Брешко-Брешковскій, И. М. Василевскій (Не-Буква), А. В. Голдобинъ, Ф. Т. Куликовъ, А. А. Левитманъ (Грунинъ), И. С. Рукавишниковъ, В. С. Тетерскій и мног. друг.

Въ художественномъ отдѣлѣ: А. Ф. Домонтовичъ, Е. Е. Надеждинъ, А. А. Роговъ, Д. Г. Числіевъ и мног. друг.

Списокъ постоянныхъ сотрудниковъ журнала „Анчаръ“ будетъ пополненъ въ слѣдующемъ номерѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ:

	На 1 годъ:	На 6 мѣс.:	На 3 мѣс.:
Въ С.-Петербургъ	4 руб.	2 руб. 25 коп.	1 руб. 50 коп.
„ провинції	5 „	2 „ 75 „	1 „ 75 „
Заграницу	8 „	4 „ 50 „	2 „ 50 „

Отдѣльные номера „Анчара“ въ Петербургѣ—15 к.; въ провинціи—18 к.

Пересылка за счетъ конторы журнала.

Объявленія—по 50 к. за строку петита.

Редакція и контора журнала „Анчаръ“: Б. Подьяческая, д. 4., кв. 13.

Редакція принимаетъ по дѣламъ журнала исключительно по понедѣльникамъ и пятницамъ отъ 4—6 часовъ веч.

Контора открыта ежедневно отъ 10 час. утра до 12 час. дня.

ПРОБНЫЙ НУМЕРЪ ЖУРНАЛА ВЫСЫЛАЕТСЯ ЗА ДВѢ СЕМИКОПѢЧНЫЯ МАРКИ.

Гг. подписчики; какъ городскіе, такъ и иногородніе, а также наши представители и комміssіонеры, въ случаѣ простоянія или прекращенія, по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ, изданія „Анчара“, будутъ неотложно, въ полномъ размѣрѣ заказа, удовлетворены новымъ журналомъ, однородного съ „Анчаромъ“ направленія, на условіяхъ журнала „Анчаръ“.

Петербургскимъ газетнымъ артелямъ номера „Анчара“ и журналовъ, которые замѣнить „Анчаръ“, въ случаѣ простоянія или прекращенія этого изданія, отпускаются на слѣдующихъ условіяхъ;

При розничной цѣнѣ въ Петербургѣ:

15 коп.

Артелямъ отпускается:

10 коп.

Оптовыми покупателями въ провинціи, т. е. агентами редакціи и комміssіонерами, номера журнала отпускаются по цѣнамъ петербургскихъ газетныхъ артелей, на слѣдующихъ условіяхъ:

а) Редакція за свой счетъ пакуетъ и доставляетъ на вокзалъ или почту весь заказъ.

б) За перевозку груза по желѣзной дорогѣ или пересылку его по почтѣ, оптовый провинциальный покупатель уплачиваетъ впередъ или на мѣстѣ назначенія груза (наложенный платежъ).

в) Оптовый провинциальный покупатель уплачиваетъ впередъ деньги за $\frac{1}{2}$ стоимости груза изъ расчета по 10 коп. за экземпляръ. На остальную сумму ($\frac{1}{2}$) заказа можетъ быть слѣдить наложенный платежъ.

г) За конфискацію груза въ пути слѣдованія или по прибытии его въ городъ назначенія—редакція не несетъ никакой материальной ответственности.

Газетнымъ артелямъ и другимъ оптовымъ покупателямъ этотъ номеръ журнала въ день выхoda его въ свѣтъ будетъ выдаваться въ Типографіи Х. И. Бреденфельда и К°, Забалканский просп. 22.

Въ послѣдующие дни журналъ будетъ продаваться въ складѣ при редакціи: СПБ. Больш. Подьяческая ул., д. 4, кв. 13.

Издатель: Л. М. Зузеровичъ-Клебанскій.
Отвѣтственный редакторъ: Д. Г. Числіевъ.

До выпуска № 1 „Анчара“ редакція объявила конкурсъ на лучшія литературныя и художественныя произведенія.

Литераторы, сатирики, юмористы, и художники любезно откликнулись на нашъ призывъ. Конкурсное жюри, во главѣ съ Н. Н. Брешко-Брешновскимъ, присудило преміи:

За литературное произведение — В. С. Тетерскому (передовая — „Анчаръ“).

За художественное произведение — Д. Г. Числіеву (заглавный рисунокъ).

Кромѣ того конкурснымъ жюри одобрены нѣсколько литературныхъ и художественныхъ произведеній, представленныхъ въ редакцію, какъ на конкурсъ, такъ и въ конкурсъ, который и будутъ помѣщены въ ближайшихъ нумерахъ „Анчара“.

Редакція считаетъ своимъ долгомъ выразить благодарность всѣмъ лицамъ, любезно принявшимъ участіе въ жюри и конкурсѣ.

Редакція журнала „Анчаръ“.

Анчаръ.

„Даже тлетворный ядъ, даочный во-время, въ изѣстной дозѣ, служить цѣлебнымъ средствомъ.“

Намъ снился странный, чудесный сонъ. Мы видѣли небо, голубое небо, подернутое тонкими, едва замѣтными облачками. На берегу красавицы — рѣки, на дальнемъ сѣверѣ, стоять могучий и густой лѣсъ... Много деревьевъ было въ этомъ лремучемъ лѣсу... Здѣсь были и столѣтніе гигантскіе дубы, гордо и покровительственно взиравши на весь миръ, были и трескучія березы, легкомысленно и беззаботно качающія своими густыми верхушками; виднѣлись мрачныя сосны и ели; угрюмо стояли зловѣщія осины, деревья съ юдинымъ прошлымъ, и много другихъ, лѣсныхъ породъ промелькнуло передъ нашими глазами. Всѣ они имѣли могучий и величественный видъ, всѣ они были красивы и ярки по своимъ краскамъ, но всѣ они были бездушны въ своей кичливой, холодной красотѣ, всѣхъ ихъ окутывала мертвая лѣсная глушь, заграждавшая отъ нихъ солнце... Да они и не стремились къ нему! слишкомъ много вѣковъ простояли они такъ, вдали отъ солнечнаго света, слишкомъ ужъ они свыклись съ окружающимъ ихъ мракомъ... Рядомъ съ ними мы увидѣли молодыя деревца... полныя жизни, энергіи, полныя свѣтлыхъ надеждъ... Они не жались къ старымъ деревьямъ, не хранили того леденящаго молчанія, какое царilo среди ихъ отцовъ: они капризно тянулись впередъ, за лѣсную чашу... ближе къ солнечному свету, завидуя тѣмъ, кто стоять на опушкѣ. И было чему позавидовать! Облитая осѣннителнымъ солнечнымъ сѣятомъ опушка имѣла фантастический видъ... Молодыя лѣти трепетали отъ избытка тепла и свѣта, корни разростались, могуче распирая землю, молодые листочки играли лучами и радостно шелестѣли. Хоръ птичекъ восторженно щебеталъ въ освѣщеныхъ вѣтвяхъ... съ опушкой неслась дивная, святая песнь о свободѣ... А сосны хмури-

Дурново и Стаковицъ.

лись... дубы сердито помахивали могучей листвой, стараясь заглушить хоръ крылатыхъ пѣвцовъ, но все было напрасно. Громко и торжественно неслась дивная пѣснь, звуки ея проникали въ лѣсную глушь... Молодая деревца встрепенулись... Ревниво слѣдили за ними старыя деревья, съ ужасомъ взирая на опушку, а дивная пѣснь разлилась уже по всему лѣсу: молодой лѣсъ пѣть священный гимнъ свободы! Мы старались узнать, откуда лютятся эти чарующие звуки... Мы взглянули на опушку и... замерли... Точно облитое золотомъ, въ роскошномъ зеленомъ нарядѣ, у самаго края опушки, стояло странное, неизвѣстное намъ, дерево, полное магии и таинственной прелести... Оно какъ бы горѣло и не сгорало. Отъ его молодыхъ вѣтвей шли новые и новые побѣги.... Точно могущественный волшебникъ стояло это чудное дерево подъ лучами солнца, испуская чарующій сиять и сверкая, какъ искра, на опушкѣ лѣса. А солнце ласково и любовно пригрѣвало его лучами... Къ нему тянуло всѣхъ, неотразимо влекло... Что-то чистое, хорошее чувствовалось въ его могучей и дивной красотѣ... что-то отрадное сулили его молодые побѣги... И къ нему стремились!... Нѣвчія птицы покрыли всѣ его вѣтви, оглашая воздухъ звуками священного гимна... Къ нему тянулись сосѣднія молодыя деревья, безсознательно простирая впередъ свои юные вѣтви... Къ нему взвывали всѣ молодой лѣсъ, заботливо укрытый отцами отъ солнца... Таинственное дерево посыпало свои чудодѣйственные искры... Искры неслись по всѣмъ направленіямъ... гасли..., и снова загорались... Лѣсъ перерождался... Искры летѣли по всему лѣсу, пропитанныя чудотворнымъ ядомъ, ядомъ... свободы. Гордо подымались поникшія головы молодыхъ сосенъ и березъ, властно выпрямлялись молодые дубы и даже старый лѣсъ прогнулся... Что-то похожее на сознаніе промелькнуло въ его чащѣ, но только промелькнуло... и погасло! „Анчарь идетъ, анчарь!“... въ страхѣ шепчутъ старые пожелѣвшіе дубы и березы, растерянно озираясь по сторонамъ и прикрывая листвой своихъ дѣтей въ надеждѣ защитить ихъ отъ древа яда... Но чудодѣйственный ядъ уже сковалъ вѣтви ихъ дѣтокъ и тщетно взымаются къ немъ отцы: молодые дубы съ презрѣніемъ и злобой отстраняются отъ ихъ объятій и тянутся къ сиянію, где занимается заря освобожденія, заря долго жданной свободы!... Ядъ разливается по жилкамъ и корнямъ, переходитъ отъ одного дерева къ другому, а Анчарь неуклонно продолжаетъ свой смѣлый, честный путь, и ничто въ мірѣ не побѣдить его чудодѣйственной силы, его дивнаго яда... свободы. Счастливаго же пути, Анчарь!

Прекрасовано.

Метеревъ.

Графъ Витте, Гапонъ, Матюшенскій.

Народъ.

Бюрократъ.

Березы чуткия
Во мгле синеющей,
Блеки, блеки.
Вотъ волны звуккия
Миѣ душу грѣющей
Вечерней мглы.
Вотъ день кончается,
Одинъ до вѣчности
Доплышишъ день.
Вверху качается
Тѣнь безконечности,
Ночная тѣнь
Вотъ холодъ иосится
Волной звенящей,
А миѣ тепло.
Вотъ тьмой мертвящей
Ночь иѣ душу просится,
А миѣ светло.
Ночь позабавится
Надъ жизнью слабою
Мильономъ глазъ.
День съ ночью справится,
Съ ся отравою,
Въ который разъ?
Съ мечтой угрюмою
Иду я, думаю:
Зачѣмъ я адѣсь?
И слышу иѣне,
Небесъ великие:
— Вотъ міръ. Онъ весь.—
А я — великое,
Я — полудикое
Иду — молчу.
Вотъ вѣтеръ иосится,
Богъ иѣ душу просится
— Его хочу.

И. Рукавишниковъ.

Тяжелыя думы.

Какъ тяжко жить, когда свободной
Намъ жизни скоро не видать,
Когда вполнѣ всѣхъ правъ народныхъ
Намъ врядъ при жизни отстоять?
Жить въ вѣчномъ мракѣ... подневольно
Терзаться, мучиться страдать...
Нѣть больше силъ... ужъ слишкомъ
Людскія слѣзы наблюдать...
Вотъ гдѣ — единственное право,
Какое намъ сохранено:
Служить мишеню для забавы —
Намъ въ этой жизни сужено...
Но, можетъ быть, наступить время,
Къ которому стремилась мы:
Взойдетъ постяяное сѣмя —
И люди вырвутся изъ тьмы.
Исчезнетъ рабство, и свободы
Въ удѣль достанутся людямъ;
Пройдутъ житейскія неизгоды,
Столь ненавистная всѣмъ намъ.
Погибнетъ царство злого мрака,
Взойдетъ заря пяти свободъ,
И сѣмъ гимнъ надъ нашимъ прахомъ.
Свободѣ будеть иѣть народъ.

Лемонъ.

Мирные обыватели.

Это: подвижныя мишины для производства
опытовъ съ орудіями, удовлетворяющія тре-
бованіямъ новѣйшей техники пристрѣлки
орудій, ружей, пулеметовъ и револьверовъ.

Въ альбомъ П. Н. Дурново.

Украшать тебѣ „доброѣтели“,
До кот-рихъ другъ далеко,
И беру побеса по спанделя,
„Указы“ тебѣ глубоко.
Не красовъ.

Не тѣснишь ты почтовыхъ чиновникъ,
Не воруешь казенный овесъ;
Ты — феноменъ среди всѣхъ сановникъ,
Ты — „герой“ нашихъ дней, нашихъ грѣзъ.

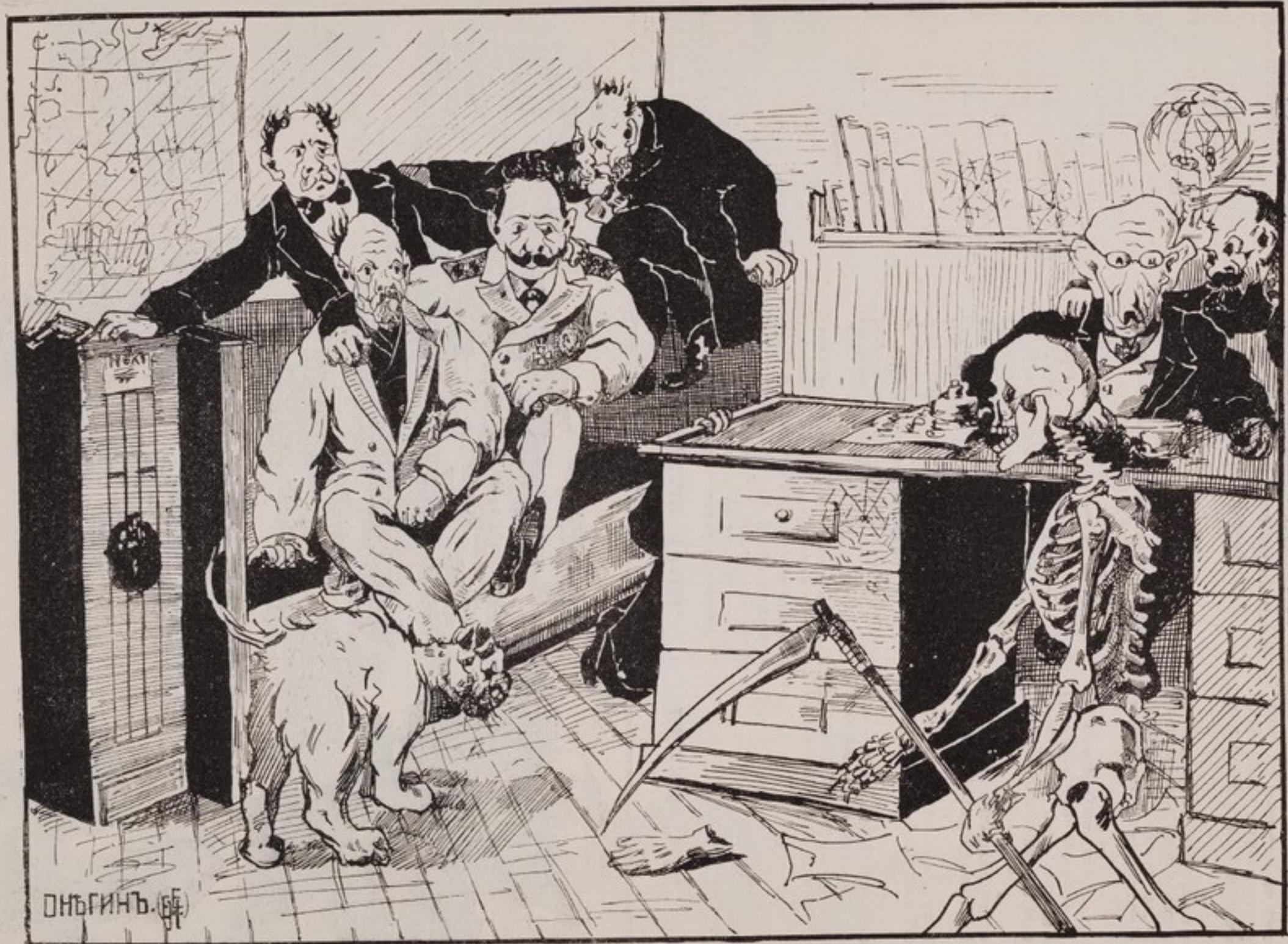
Тебѣ „близки“ народа стремления,
Ты — „сторонникъ“ всѣхъ правъ и сво-
бодъ,
Ты, мой „другъ“, по своимъ убѣжденіямъ,
Самый пылкій средь насы „патріотъ“.

Ты не травишь народа казаками,
Не сажаешь въ тюрьмы людей;
Не страшашь арестомъ и плахами,
Не преслѣдуешь свѣтлыхъ идей.

Полицейскихъ чиновъ избѣгаешь ты,
Жандармерію гонишь ты прочь;
Министерство свое проклинаешь ты
И „работаешь“ дни, даже ночи.

Не спрошу я, откуда явилися
Лужи крови и слезы людей.
Знаю: съ неба онѣ къ намъ свалились,
Ты же самъ и ягненка смирилъ.

Санинъ.

Совѣтъ нечестивыхъ.

Гнѣвъ Божій.

Терпѣть, терпѣть бѣднякъ-мірянинъ
Безправья тяжкій произволъ.
Пороль и земскій, драль и баринъ.
Мужикъ съ ума чуть не сошелъ.
И вдругъ свободы четыре дали!
Ужъ не подвохъ ли? Какъ понять?
Но тутъ же ихъ отъ насть отняли
И снова стали притѣснять.
Пошли допросы, порки, пытки;
Забрали хтѣбъ, уводятъ скотъ
Мірянъ ограбили до нитки
И кидали крестьянинъ отъ невзгодъ:
«О Богъ Всесильный, Свѣточъ Славы
Отъ злого рока насть спаси!...
Пронесъ Ты крѣпостное право
Такъ и «слободы» пронеси!»

Голубой.

Въ рѣчи, обращенной къ солдатамъ, начальникъ одной войсковой части, между прочимъ, сказать: — „Слово „соціалъ-демократъ“ — иѣменское, по русски оно значитъ: бунтовщикъ, разбойникъ, а по китайски: — хунхузъ.“

Интересно было бы знать, какъ будетъ въ переводѣ этого военачальника на русскій языкъ слово „провокаторъ“, — вѣроятно, ангель, герой или что-нибудь подобное...

Голубинъ.

Смѣта на большую комическую газету „Гурьевская каша“, издаваемую при русскомъ государствѣ.

I. РАСХОДЪ.

Жалованье старшему дворнику, надѣжающему за уборкой изъѣхъ отъѣзда газеты	24.000 р.
Жалованье 20 клацаніемъ дворниковъ, насѣкѣвающимъ статьи для отъѣзда газеты	240.000 .
Жалованье лакею, пишущему политическія передовинки	18.000 .
Жалованье капельдинеру, пишущему редакціи	12.000 .
Жалованье ссыпчикамъ и городовыми, доставляющими свѣдѣнія	100.000 .
Стулья	6.000 .
Лѣченіе геморроя	49.999 .
Чай	25.000 .
Сахарь	50.000 .
Бутерброда	75.000 .
Заразный смыслъ	1 .
Всего	600.000 р.

II. ПРИХОДЪ.

Отъ подписки	8 р. 50 к.
Отъ налоговоѣ, податей, сборовъ и т. п.	591.000 . 50 .
Всего	600.000 р. — к.

„Утверждаютъ“.

За премьеръ — министра.

Лордъ — министръ.

— А, повидимому, наши иніністерства не въ ладу живутъ одно съ другимъ.

— А что?

— Да какъ же, надіяхъ юстиція розыскиваетъ посредствомъ газетъ Павлоакія Крушевана, а кажись чего бы проще справиться въ мін. внутр. дѣлъ.

Кулакъ.

СКАЗОЧКА

Крестьяне - делегаты у
С. Ю. Витте.

(Пародия на стих Алектина: «Сумасшедший»).

«Садитесь, — я вамъ рать.

«Откиньте всякий страхъ и вѣрьте мнѣ свободно...

«Я этого хочу. Вы знаете, на-дняхъ мы...»

«Мы „обманали“ снова всенародно?»

«Но знаете-ли что? смущаются мысли мои...

«Всѣ эти митинги, собрания, свободы...

«Я день и ночь ищу исхода...

«И до сихъ порь его не нахожу!»

«Какъ вамъ теперь поизнанилась столица?

«Вы изъ далекихъ меѣтъ? А впрочемъ,

ваша лица

«Напоминаютъ мнѣ знакомыя черты...

«Какъ будто я видѣть, именъ еще не

зная,

«Васъ где-то въ країности, а можетъ

и... въ части...

«Ахъ, „братецъ“ Грибоѣдоѳо, — это ты! О

какъ я радъ!

«И Климовъ! здравствуй, милый „брать“!

«Вы не покирайте, какъ хорошо мнѣ съ

вами,

«Какъ мнѣ легко теперь... Но что съ

тобою, другъ?

«Ты все молчишь... Неужли недоволенъ

нами?

«Брось, „братецъ“, перестань; все съ

лаетъ съ головами!»

«Я вѣсъ спасу, въ тьмѣ иѣть сомнѣнія,

«Но подожди, имѣй терпѣніе!

«Я тоже терпѣлъ... (начинаетъ заговариватьъ)

Я очень терпѣлъ... Но все-таки за

что?

Въ чёмъ наше преступленіе?

Что дѣлъ мой — монархистъ, что бюро-

кратъ отецъ,

Что этимъ призракомъ меня пугали съ

дѣствіемъ,

Такъ что-жъ изъ этого? Я могъ же,

наконецъ,

Не получить его въ наследство!

Вѣдь жили-живъ до сихъ порь мы дружно,

Хорошо, и все намъ улыбалось...

Какъ это началось? — Да, въ январѣ,

зимой,

Рабочіе на площади собрались...

Съ иконой или, съ молитвой и крестомъ,

И что-то говорить пытались...

И вдругъ... мнѣ показались... казаки...

Много мелькало ихъ тутъ...
Помню, до самой рѣки
Пули свершили маршрутъ!
Онъ лишь подниметъ ружье,
Къ ложу головку приклонить,
И уже пуля таѣ...
Нару рабочихъ уронить...
Я изъ окна наблюдалъ,
Видѣть тѣ лица простыя,
Въ ужасѣ весь трепеталъ,
Слышать и стоны глухіе...
Видѣть, несчастныхъ дѣтей,
Какъ казаки ихъ „снимали“,
Слышать и плачъ матерей,
Что надъ дѣтими тамъ рыдали...
Какъ эти дни тяжелы!
Долго ль я мучиться буду?
Кровь, все въ глазахъ, все январьские
дни...
Красные, грозные всюду...
Видишь: вѣтъ кровь на стѣнѣ...
Слышишь? течеть по панели...
Вѣтъ, подползаетъ ко мнѣ...
Руки мои охладѣли!...
Видишь рабочихъ въ крови?
Воинъ, тѣтъ грозитъ мнѣ рукою!..
Слышишь: смѣются они...
Ахъ... что мнѣ дѣлать съ собою?!.
(Приводится въ себя и видитъ делегатовъ).
Однако что же вы хотите отъ меня?
Какъ, смѣете не вѣрить вы Совету,
Его трудовы, полезныхъ не цѣня?
Довольно вамъ моя пороги обивать:
И подавать советы мнѣ, премьеру:
Я знаю самъ, что нужно предпринять,
А вамъ рекомендую... вѣту!
Вы знаете меня. Я не за казни,— иѣть!

Я только за терроръ!
Вы скажете, что это вздоръ.
Но я вамъ поясню: у насъ теперь одинъ
исходъ:
Пусть революція въ борьбу вступаетъ
съ нами,

И можетъ быть, при помощи Мессии;
Я и наайду секретъ спасенія Россіи.

—

— Почему народное представительство
названо Думой.

— Потому что правительство какъ
слѣдуетъ „подумаетъ“ надъ тѣмъ, кого бы
выбрать.

(Къ рис. „Сказочка“.)

Какъ на островѣ Буянъ,
Гдѣ о доблестномъ Салтанѣ
Не слыхать уже давно,
(Впрочемъ это все равно)
Развеселый графъ сидѣть;
„Братьцы“ смѣки говорить;
Сладко, складно и красочно,
Остроумно и игристо,
Прямо сущая потѣха!...
Даже куры мрутъ со смѣха...
Что твотъ Шахерезада?
Лучшихъ сказокъ и не надо.
Удался изъ-то мнѣ
Сказки вѣдь подслушать тѣ.
Только стану вспоминать,
Начинаю хототать.
Въ нихъ сплелася ложь красочно
Съ небылицей, какъ на диво,—
Только правды въ нихъ, бѣда,
Не найти вѣль никогда.

Панчи Немлюкъ.

Между выборщиками.

— Пожалуйста, м. г. не выбирайте меня въ выборщики.

— Да вѣдь мы на васъ надѣемся! Почему же?

— Я не хочу, чтобы завтра меня арестовали.

Старые пословицы Даля.

(перепечатано изъ „Письмовника русского народа“, т. I, изд. Вольфа, 1905 г.).

— Пойти съ казнью, а черть съ рогатиной.
— Лоскуты на воротъ, а книгу на спину.
— Спереди — блажень мужъ, а слѣдѣ — всѣ ю шаташащи!
— Рабочій конь на соломѣ, а пустоплясь на овѣ.
— Чудилось, что праздникъ — аль это поль дразнить.
— Сильны временщики, да не долговѣчны.
— Мѣди рубль — да бумажка съ пудъ.
— Была правда у Петра и Павла (въ застѣнѣ).
(Продолжение смотрѣть).

* * *

— Найдите мнѣ пять словъ, оканчивающихся на „ли“, которые могли бы иллюстрировать наши свободы.

— Изволите. — Задержали, обыскали, арестовали, конфисковали, закрыли, привезли, осудили, посадили, разгрѣ.

— Довольно, довольно.

* * *

Мы слышали, что администрація предложила всемъ содергательямъ типографій по роскошному „городскому памятку“ взамѣнъ услуги съ ихъ стороны, — не печатать „крамольную литературу“, или доносить о ней.

Какъ слышно, типографы съ благодарностью отклонили это любезное предложение.

Шутки.

Сановные любители „подарковъ“ иногда засѣдаются надъ арками... сената и синода.

Пронграешь ставку, — отъ ставки остается одна отставка.

Ну ка, миленький мой графъ,
Покажи мнѣ *нафаграфъ*,
По которому возможно
Бить, сажать, стрѣлять безбожно!

* * *

Витте: Говорить, что у нашей буро-
крайнѣ есть творчество. Это неправда. Я
былъ просто Витте, а теперъ сталъ графъ
Витте.

Въ раздумъи.

Сиду я за столъ,
Померекаю,
Какъ зачахъ, ушель
Въ бездину иѣкую
Привазной режимъ.
Бюрократии,
Сыскъ и иже съ нимъ,
Всика братя . . .
Какъ изжитый строй
Въ ломъ назначили,
Да народъ честной
Околначили . . .
Какъ гражданскихъ правъ
Медомъ мазали,
Отъ трудовъ уставъ
Въ души лазили . . .
Какъ цензурный гнетъ
Уничтожили,
И казны доходъ
Пріуможили . . .
Какъ свободъ поинеахъ
Дали доину,
И потомъ того . . .
Поутюжили . . .
Сиду я за столъ,
Померекаю,
Какъ "прижимъ" ушель
Въ бездину иѣкую . . .

Ф. К.

Сказка про
бѣлого бычка.

„Вотъ задача . . .
Разрѣшите!
Чуть не плача
Шевчеть Витте:
Чтобъ разлады
Успоконть —
Тюльямъ надо,
Понастроить . . .
Но для тюремъ
Нельзя ни цента,
На смыѣхъ куплюмъ
Грошикъ — за рентъ.
И кредиты
Ни сантима:
Нынѣ, бояты
Шичутъ: „Мизо“
А французы
(Въ рогъ имъ кашу)
Узы, узы . . .
Сами — измѣни
Я имъ слово:
— Удостойте!
Тоже снона:
„Уснокойте“!
Вотъ такъ штука.
Шевчеть Витте.
Братцы иу-ка
Разрѣшите!

Ф. Т. К.

Д у м а .

(Басня).

Надѣланъ очень много шума,
И звѣри порѣшили думу
Собрать; —
Пошли повсюду кривотолки
И перегрызлись вѣкъ, какъ волки,
И не могли никакъ понять:
Кого имъ изъ думу избирать?
Я вѣмъ описывать не стану
Зѣбринный митингъ и полюну,
Гдѣ, прежний подѣбанин страхъ,

Вѣкъ толковали о дѣлахъ.
Орали громче всѣхъ, безъ зѣры
Друзья, эзъ—дѣки и эзъ—эры, —
Ка—деты много говорили.
Пустить въ глаза изрядно пыли;
И выдѣлялися въ толпѣ.
Свирипамъ видомъ И. И. П.
И стало ясно, что теперь
Примкнуть къ партійной жизни зѣры.
И таѣзъ здѣсь долго толковали,
Свободно разныхъ львовъ ругали,
Мечтали тигровъ неѣхъ унять
И не давать имъ управлять.

Дончи едали не до драки, —
Варугъ показались казаки . . .

Сверхъ ожиданья,
Увидѣть бурное собранье,
Они здѣсь показали прыть,
Увидѣть звѣрей всѣхъ перебить.
И такъ средь грохота и шума
Зѣбринная погибла дума.

Мораль сей басни такова:
Свобода вѣкъ — одинъ слова, —
Ты ини, другъ, не увлекайся,
Молчи «втроемъ не собираися» . . . Эхомъ.

„Грѣшики“.

Задыхаешься люди грѣшики,
А здѣшніе не показывают.
Заскребать: — давай намъ здѣшнее,
О небесномъ не рассказывай!
Блудъ да рѣчи богохуноскіе.
А „пости“ не почитаются:
Ужъ чего... отъ министерскаго
Всъ бѣгутъ и отрекаются!

К-16

Кто они?

Ихъ только два,
Ихъ всякий знаетъ,
О нихъ молва
Не умолкаетъ.
Одинъ вѣтрувая
Всъ очаруетъ.
Наобѣщаетъ
И поцѣлууетъ.
Другой же, въ „стиль“
Совсѣмъ отличнѣй,
Не любить пыли
Пускать цублично.
Глазкомъ заинтизъ,
Гонитъ спровалить,
Безъ шуму встрѣтить,
Да и посадить.

— Д.Н.Ч.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Письма хунхузу.

(Перевлечены во время почтово-телеграфной забастовки и доставлены въ редакцію „Анчара“ почтальономъ т. сов. М. Артекомъ).

1.

Повелитель моего тела, другъ и братъ, славный Саль-О-Сгубъ-Дуй!

Простили ли мое дерзновенное попозионеніе утруждать тебѣ моими письмами? Я, червь изъ черей, рабъ и грязное животное, осмѣливлюсь писать къ тебѣ, пресвѣтѣйшему хунхузу, источнику справедливости и милосердія! Столъ исполнюще мое преступление заслушиваетъ, чтобы ты немедленно разстрѣлялъ меня. Но ты, величодушный другъ, простишь меня и ограничишься лишь темъ, что, прочитавъ моя жалкія и позорные каракули, посыпши мое тѣло на два часа передъ окнами своей физы...

Воздавъ должное китайскимъ переговорамъ, перешохъ къ описанію моего отѣзда изъ благословенной Хунхузіи въ варварскую Москвию.

Постъ того, какъ гиринскій дзянъ-дзюнь далъ мнѣ пятьсотъ ударовъ бамбуковыми палками въ вознагражденіе за зѣрѣзантію и пріятию китайца, я понялъ, что рѣзать безнаказанно нельзя, а такъ какъ склонность ко всмѣхѣ рода кантранъ меня не покидала, то и рѣзать нечелѣститься въ Россію. Ты, о сынъ неба, помнишь мои чинства! Моя хунхузская луна стала тѣсно на берегахъ Сунгари. Интенданскіе чиновники, русские мандарины, купцы и харбинскіе мадамы разскакивали мнѣ, что на берегахъ Невы хунхузъ не преступаютъ. Свобода моя манила! Нѣмецкій генералъ Ренненкампфъ, однажды, сказалъ мнѣ, что русские приимутъ въ объятія всякаго хунхуза, потому что петербургскіе и иорочіе, большихъ городовъ, наимѣнѣніи имѣреніи учредить войско хунхузъ, предизначаемое для расширения и поддержанія въ страѣ свободы на самыи чѣпо есть зѣблемъ начатахъ. Я еще неизѣль, какъ-это „зѣблемъ начала“ и полагалъ, что русское слово „зѣблемъ“ происходитъ отъ глагола „арестовать“...

Большой капитанъ земли русской, сіятельный О-Витъ-Е-Враль вернулся въ то время изъ Америки, гдѣ онъ заключилъ блестящій миръ съ китайцами. Секретарь мукленского тифа-гуана разскаживалъ мнѣ, что маркизъ Комура согласился принять Сахалинъ при условіи, что русские мандарины займутся наложениемъ свободы. Ученый хунхузъ М-Шер-Скій, издававшій въ Цинцикарѣ газету „Обыватель“, утверждалъ, что отъ наложденія свободы наростиутъ розги. Я, однако, не испугался и, отравивъ транспортного начальника плававшаго въ безнамѣтство отъ вынѣграга ведра шампанскаго, попрощался съ приятелями русскими капитанами Мейендорфомъ, Бильдерлингомъ и Штакельбергомъ и сѣлъ въ поѣздъ. Генералъ Куропаткинъ, узнавъ о моемъ отѣздаѣ, послалъ со мной еще одинъ, кажется постѣдную, телеграмму съ донесеніемъ: что въ Маньчжурии наступила осень

Бюрократы навязали.

А дѣшечка капитанъ Линевичъ просилъ передать о желаніи его продолжать войну съ японами, чтобы отдать имъ Харбинъ и Владивостокъ.

Хотя въ настѣдство отъ транспортнаго чиновника мнѣ досталось нѣсколько фунтовъ золота, но я предпочелъ бѣхать бесплатно. Начальники поездовъ, называемые пѣ-русски ревизорами, контролерами и кондукторами, принесли отъ менѣ подарокъ, который называется „халтурой“ и называлъ менѣ „зайцемъ“. Признаюсь мнѣ, благородному хунхузу, бытъ неловко именоваться зайцемъ, но когда я увидѣлъ массу другихъ зайцевъ и понялъ, что зайчины изѣлонности присущи русскимъ человѣкамъ, то успокоился и преблагодушно проѣхалъ по великому сибирскому пути.

Понути я остановился на нѣкоторыхъ сибирскихъ городахъ. Здѣш. я встрѣчалъ многохъ мужчинъ, женщинъ, дѣвушекъ, и дѣтей, высланныхъ изъ Россіи за принадлежность къ преступнымъ политическимъ партіямъ. Насажденіе свободы, сказали мнѣ, уже началось и первой выросла свобода свободного передвиженія изъ мѣстожительства въ мѣста отдѣленія, причемъ передвижются совершенно свободно, т. е. на собственныхъ ногахъ. Я занялся именованіемъ иѣсколькоихъ партій. Вотъ они: „С. И. Р. Л.“ — „скоты и разбойники люблющіе“, „П. И. П.“ — „нахмѣтъ порядочной порокъ“, „С. 17. О.“ — „согори 17 обмановъ“, „К. Д.“ — „кумысъ дворянъ“, — „С. С.“ и т. д. Партий очень много. Партии „С. И. Р. Л.“ я предложилъ боксерскій уставъ, который она приняла съ благодарностью.

Приѣхавъ въ Москву и хотѣлъ обстричь свою косу, но всѣ парикмахерскіе оказались запертыми. Хотяъ поѣхать — занѣты рестораны! На Тверской я встрѣтилъ стариннаго приятеля, много лѣтъ уже проживающаго въ Россіи, командиншаго когда-то въ Печилийской провинціи отборной тунхузской шайкой Лубъ-А-Са. Онъ рассказалъ мнѣ, что, потопивъ въ Желтомъ морѣ иѣсколько джонокъ и прѣобрѣтъ такимъ образомъ нужный флотскій опытъ, переселился въ Москвию и такъ быстро пошелъ въ гору, что начать топить не только джонки, но и цѣлые броненосцы. А если самому не удавалось топить, то училъ этому другимъ. — Скажи, великий воинъ-потонитель, почему Москва имеетъ такой видъ, какъ будто помѣвалъ въ ней престѣлой памяти Тамсданъ? спросилъ я Дубъ-А-Са. — Ахъ, глупый хунхузъ, — отвѣтила онъ: — сразу видно что ты не привыкъ еще къ зѣблѣнью порткемъ! Такое

Сила черной литературы.

Часть таинственный полночи,
Сладкій часть покой, сна...
Варугъ... стучать въ дверь что есть ночи...
Кто тамъ: воръ или сатана?

Шайка грозная ввалилась
Русскихъ (истинно) людей,
На иконы помолились.
Патроны* нашихъ дней.

Генералъ*, Кузьма Чубарый,
Тутъ реползверь мнѣ въ високъ,
Эскульпъ Юнѣцъ — Поджарый
Закричалъ, камъ только могъ:

— Ты подкапываешь основы,
Уронишь весь строй хотѣлъ?
— Я не могу сказать ни слова
И отъ ужаса иѣмѣль.

— Ты людей окрайныхъ націй
Взять въ преступный заговоръ?
Тутъ я кину прокломатъ
Черносотенный простеръ.

Генералъ* ищечь не складно:
Святъ стадинній русскій строй...
Жги и бей жидовъ нещадно...
Планъ казаковъ на постой...

— Ты ходи подъ красными флагомъ:

— Ты просилъ науку, свободу?
Я — другой листъ: „Высшии благомъ
Православный мы народъ

— Ждемъ прѣять вѣнцы мучений
Мы за родину свою,
За святыхъ отцовъ ученыe,
И за миръ въ родномъ краю”.

Самой скромной я натуры:
Прикасался Божихъ тайнъ,
Врагъ науки, свободы, культуры.
Автономіи окрайнъ.

Усноиздѣлъ Чубарый,
И Кузьму онъ отпустилъ.
Но съ Кузьмой пиджай снялъ старый
И съ собою прихватилъ.

Годубой.

состояніе города называется забастовкой. — „И часто бываютъ забастовки? — Такъ часто, что вѣдь удивляются, когда ихъ нетъ.“ — „Но чѣмъ же живутъ люди, которые бастуютъ?“ — „О нихъ заботится правительство. Ихъ сейчасъ же сажаютъ въ тюрьмы, что и называется свободой личности.“

Я очень обрадовался, услышавъ такое объясненіе. Ч. Х. Л. К. Х. С. К. Ф. („чего хотятъ люди, которые ходятъ подъ красными флагами“), — такъ называется партія, основателемъ которой состоялъ учёный мандаринъ Дем-чи-нскій, основавший также партію „Д. Н. П. В.“ („держись по вѣтру“) — итакъ, Ч. Х. Л. К. Х. С. К. Ф. разговаривалъ мнѣ о свободѣ личности, нечто ужасное. Понимаешь-ли, премузыръ Сало-Сгубъ-Дуй, что они подъ личной свободой подразумѣваютъ такой актъ, когда нельзѧ самоволно сажаютъ людей въ клоновники!! Моя хунхузская натура не могла примириться съ такой свободой, но добрый Дубъ-А-Са усноиздѣлъ меня. Я отъ его словъ почувствовалъ себѣ снова въ Хунхузѣ!

Подобогъ отъ Москвы до Петербурга вѣдь встѣрчалъ отряды войскъ. Мне сказали, что первый министръ Россіи Дурной-Во началъ воину съ внутренними врагами. Никто мнѣ не могъ объяснять, что за птица внутренний врагъ. Помогъ жандармъ. Когда я спросилъ его, что такое „внутренний врагъ“, онъ ударилъ меня по той части головы, которую русскіе называютъ мордой, и закричалъ: „ты самъ внутренний врагъ, козы не знаешь! проходи, а то пристрѣль!“

Въ Петербургѣ на вокзалѣ меня прежде всего обыскали. Напрасно я кончалъ, что везу рекомендательные письма, что я благонамѣренный хунхузъ, прѣхавший определиться на службу. Подъ косой у меня искали складъ динамита. Раздѣли до ноги и когда отъ страха у меня въ желудкѣ началось урчаніе, то рѣшили что я везу пулемѣты. Изъ кармана курки выташили ножи для вырыванія мозолей и называли его холоднымъ оружиемъ. Потомъ связали, дали въ шею и сказали: „Ступай, чертъ сынъ, агитаторъ! Въ участѣ разберуть, какъ ты всамомъдѣлишъ хунхузъ!“

Черезъ четверть часа и быть въ изоповѣднике. Несмотря на недоразумѣніе я былъ очень радъ, такъ какъ обращеніе со мной правительственные чиновники напоминало мнѣ служителей роднаго дзянъ-дзюня. Я сразу почувствовалъ себѣ на родинѣ.

Твой пакетъ съ золотомъ и твои золотые тулусы Каро-Н-Гол.
(Продолж. слѣдуетъ).
Браунингъ.

Трилогія.

Дурмано:

Меня, графъ, очень удивляєтъ.
Что ты сподохъ до сихъ поръ:
Печать тебѣ во всю ругасть,
Язвить, болтаеть вскій вздоръ,
А ты, газеты вѣтъ читаешь
И ничего не возражаешь?
Къ чему давать такой просторъ?
Есть полицейскій вѣдь надзоръ!

Витте:

О, милый другъ, унять не трудно
Всѣхъ тѣхъ газетныхъ крикуновъ.
Но мѣй, попѣрь, ужъ стало нудно
И на уступки и готовъ.
Пускай меня печать ругасть:
Ей висимъ къ „одиозамъ“
Она меня лишь забавляетъ,
Да и полезна намъ притомъ!
Вѣдь сколько пѣнныхъ сообщений
Мы почернили изъ газетъ!
Теперь все ясно, нѣть сомнѣній,
Кто — хулиганъ, а кто кадетъ!
А потому печати можно
Поблажку маленьку дать!
Тѣсню ее, но осторожнo.
Чтобы газетъ не закрывать!

Свободъ, гражд.

А я внесу одну поправку:
Когда общественный вопросъ
Серьзно прессы разрѣшаетъ,
И Витте — графъ про то узнаетъ,
То, чтобы дѣло соошлось
Онь оба уха затыкаетъ.

Темеревъ

Індійская легенда о золотомъ голодѣ.

Многія тысячи вѣковъ тому назадъ Индія была самой богатой страной въ мірѣ. Великий Брама заповѣдалъ индурамъ принципы любви и гуманности и въ награду за исполнение этихъ завѣтъвъ наполнилъ золотомъ цѣлый горный хребетъ, расположенный на востокѣ страны. Индуры добывали изъ этихъ горъ ежегодно несмѣтныя богатства.

Золото, какъ Божій даръ, даний всей странѣ, считалось собственностью государства. Каждый индусъ, добывающій его, обязанъ былъ сдавать металль въ правительственные склады, и получать на руки только некоторую часть стоимости въ уплату за свою работу . . .

Страна очень скоро разбогатѣла.

Монастыри брахмановъ, въ которые стекались со всѣхъ сторонъ пожертвованія за неисчерпаемую благодать великаго Брамы, были похожи на роскошные дворцы восточныхъ царей. Въ погребахъ иѣкоторыхъ изъ монастырей хранились цѣлые груды жемчуга и драгоценныхъ камней, которые монахи измѣряли гарніцами, какъ зерно.

Казна государства была еще богаче монастырей.

Для удобнаго обращенія золота между индурами, изъ него чеканились деньги на громадномъ заводѣ, полномъ машинъ и инструментовъ.

Люди были богаты и счастливы . . .

И такъ продолжалось бы долго, но люди мало по малу забыли завѣты Брамы, и начали обманывать другъ друга, устраивая набѣги на сосѣднія племена.

Велика милость и терпѣніе Брамы! Не

одну сотню лѣтъ ждалъ Брама ихъ раскаянія.

Наконецъ возмездіе наступило.

Послѣ безразсудной войны индусовъ съ однимъ изъ маленькихъ сосѣднихъ племенъ, которая была вызвана захватомъ со стороны Индіи части иноземной территории, войны, которая въ первый разъ за всю предыдущую исторію Индіи, окончилась позорнымъ пораженіемъ, Брама отвратилъ отъ индусовъ лицо свое и наслалъ на нихъ тяжелое наказаніе въ видѣ «золотого голода».

Запасы золота въ государственныхъ складахъ истощились за время войны. Нужно было какъ можно скорѣе пополнить ихъ усиленной добычей металла въ горахъ. Но индуры не хотѣли работать. Народъ почув-

ствовалъ себя сильнѣе правительства, къ которому питалъ старую вражду за несправедливое отношеніе, произволъ и насилия. Вместо того, чтобы въ тяжелую минуту помочь власти, народъ всталъ на борьбу съ ней. Было выпущено соотвѣтственное воззваніе. Послѣднее еще болѣе ослабило золотые запасы государственныхъ складовъ.

Предвидя начало (золотого голода), многіе индуры собирали всѣ свои запасы и уѣзжали изъ своей родины, развозя по всей землѣ благодать Брамы.

А правительство начало печатать на разноцвѣтныхъ кусочкахъ пергамента небольшіе билетики, на которыхъ было написано заявленіе для наивныхъ людей, что каждый билетикъ есть то же самое, что и кусочекъ золота, определенного вѣса. Заводъ для производства денежныхъ знаковъ былъ вскорѣ передѣланъ въ типографію. Въ Индіи вздорожалъ пергаментъ, а чтобы факиры не тратили его на печатаніе своихъ научныхъ наспѣдований, то печатные станки уничтожались и частные типографіи закрывались по распоряженію правительства.

Народъ волновался.

За кусочки пергамента только слѣпые и глупые люди отдавали свои золотые запасы, а иностранцы совсѣмъ не давали за нихъ даже серебра.

Быть въ Индіи въ тѣ времена старшій Оберъ-Браминъ по имени Гра-Фи-Та, который могъ бы попытаться выпросить что нибудь у иностранцевъ. Прежде онъ славился этой способностью. Но онъ былъ занятъ усмирениемъ вышедшихъ изъ повиненія индуровъ.

Другой-же браминъ, всегда завидовавшій успѣхамъ старшаго, попытался самъ попросить въ займы золота у старыхъ друзей Индіи, но вернулся почти ни съ чѣмъ. Старые друзья Индіи, правда, пожалѣли Брамина, но металла дали только на обратный проѣздъ.

Народъ волновался.

Казенная типографія печатала разноцвѣтные билетики.

Золото-же . . . лежало въ землѣ . . .

Осуществление свободы печати съ полицейской точки зрения.

Кузьма выбирает...

(Къ выборамъ въ Государственную Думу).

Грамотей Кузьма известный,
Дара рѣчи не лишенъ,
Заведеть, — народъ гуторить:
«Дѣло, правильно, законъ» . . .

— Ой, смотри Кузьма, урядникъ
Что-то буркы косить!
А Кузьмъ и дѣла мало,
— «А начхать миѣ» — говорить!

До поры сходило гладко,
Но намедни не того . . .
Обожгла мундиръ „папаша“
Рѣчь о выборахъ его.

Искрой вспыхнула кокарда,
Жаромъ обдало Кузьму . . .
Въ эту ночь впервые, грѣшный,
Ночеваль не на дому . . .

Голодъ . . . холодъ . . . Волостнос . . .
На полу букеты лозъ,
Пукъ черемухи душистой
И мечтательныхъ березъ.

Очи вскинуло начальство,
Отверзая аѣль и рай,
И на лозы указуя
Программѣло: «выбирай!»

Съ той поры Кузьма ни шагу
Изъ хибарки. — Заверни!
О японцѣ потолкуешь,
А о выборахъ ни-ни.

Кулаковъ.

Въ редакціи „Русского Государства“.

Бутербродная комедія изъ одного блюда.

Днейстукаючія лица:

Бутерброды (стоять 900 р.)
Выѣзж. редактора (стоять 3,600 р.)
Опрөвреженія (стоять 600 тысячъ руб.)

Какъ ради нихъ, и вопреки правдѣ создана эта бутербродная газета.

Министры:

Лица безъ ролей:
сотрудники, два читателя
(другихъ пока нѣть) и редакторъ.

Кабинетъ редактора. На столѣ 17 бутербродовъ,
которые разговариваютъ между собой.

Бутербродъ съ сырьемъ (хихикая). Знаете жи-
лочки, а вѣдь со мной было курьезъ. Слышишь
я, какъ нашъ секретарь, который „грибъ есть“
говорилъ другимъ: нужно взять бутерброды,
жена вѣдѣла домой привести, и сунула это
онъ меня, да уже изъ карманѣ полно было, вотъ
и унѣть и на поль. Потомъ сторожъ Михай по-
добралъ меня и почистилъ, да вотъ . . .

(но тутъ голосъ прерывается и загду-
зается сто одинъ опроверженіемъ, которыхъ
должны быть завтра напечатаны.)

Опроверженіе первое (умоляюще). Голубчики
стыдно, пощадите. Я краснѣю. Вѣдь я не тѣль
бутерброды, такъ зачѣмъ же вы меня тираны-
те, зачѣмъ заставляете краину душой. Пожалуйста пошадите.

(Слышишь шумъ). Всѣ 101 опроверженіе въ одинъ голосъ, во имя
правды, умоляютъ не измѣщать ихъ.

(Шумъ усиливается. Редакторъ заводить
граммомонтеръ, который шиня и гнусава произно-
ситъ: я знаю, какъ снасти Россію. Гг. опровер-
женія по мѣстамъ).

Всѣ успокаиваются.

Сторожъ Михай. Выѣзж. поданъ. (Чита-
тели ищутъ свободныхъ крюковъ, чтобы поиз-
ситься, но все пять заняты. На нихъ висятъ
пять русскихъ свободъ.)

Между тѣмъ редакторъ уѣзжаетъ и изъ-за
кузинъ слышится голосъ: «Держи прѣѣ», «оби-
ѣзжай правду».

Сотрудники молча уходятъ оставшись,
ассигнованные на сегодняшний день 472 бутер-
брода.

Министры (хоромъ). Вотъ гдѣ правда.
(Занавѣсь).

Ановъ.

Второе дѣйствіе (но уже не блюдо).
27 Апрѣля.

Между литераторами:

— Какъ это все въ жизни повторяется?
— А именно?
— Да вотъ, двадцать пять лѣтъ тому на-
задъ, уничтожено крѣпостничество, а теперь
оно снова возродилось.

— ?
— Вѣдь всѣхъ приговариваютъ къ заклю-
ченію въ крѣпости...

Въ „Berliner Tageblatt“ передается бесѣда
графа Витте съ одной высокопоставленной ла-
вой.

— Еслибы Дурново захотѣлъ, онъ могъ бы
меня повѣсить, заявилъ графъ Витте.

Но г. Дурново пока графа Витте не вѣшаетъ,
а вѣшается ему на шею.

Отсюда мораль: оба лучше, какъ говорятъ
дѣти.

Въ кабинетѣ редактора.

— Вы привнесли опроверженіе?
— Да, на основаніи...
— Нѣтъ, ужъ пожалуйста, обратитесь за
этимъ въ „Русское Государство“, тамъ заявлена
привилегія на этотъ сортъ журнальныхъ за-
ѣздъ.

Борцу со свободой печати.

Вотъ проектъ; онъ „здравъ“ и кратокъ:
Мудрый, — мудрому внимай.
Привожу безъ опечатокъ.

Изъ наказа „зануздай“:

— Въ трепетъ карами повергни,
Передъ словомъ не пасуй,
Если можешь — опровергни,
А не можешь, — арестуй!

Кулаковъ.

№ 1

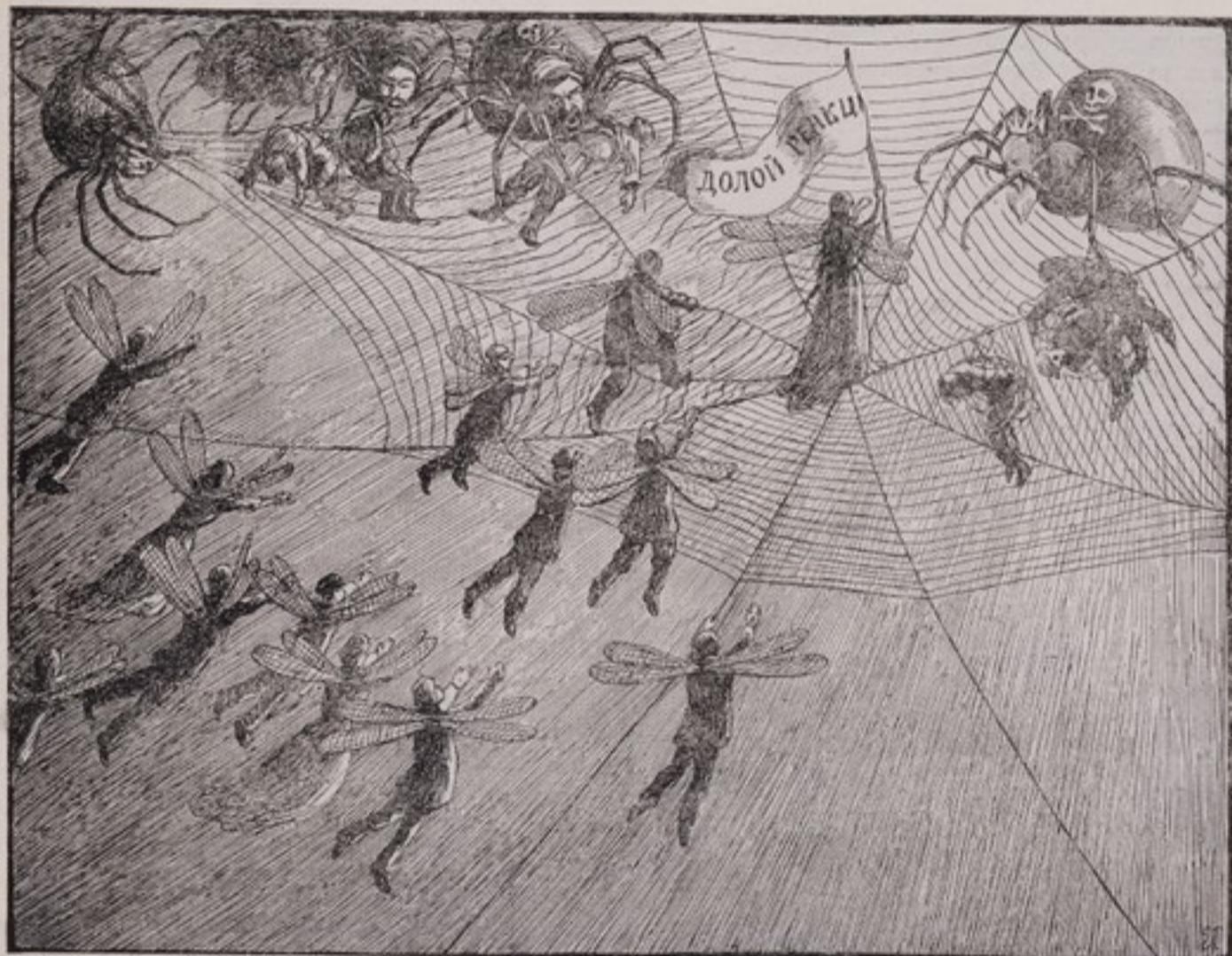
Мартъ 1906.

Цѣна 10 к. съ перес. 13 к.

Еженедѣльный литературно-сатирическій журналъ.

Контора и редакція Спб. Пушкинская 16, кв. 15.

Къ Свѣту!.. Сумракъ ночи
Надъ моей страной!
Нѣтъ ужъ больше мочи
Жить во тьмѣ ночной.
Жить,— весь вѣкъ страдая,
Угасать, какъ тѣнь,
Тщетно уповая
На грядущій день!..
Щѣпи рабства злого
Вѣблись въ плоть и крови!
Мгла прошла былого—
И вернулась вновь!..

* * *

Мы идемъ съ сознаньемъ твердыни,
Намъ не страшенъ терпій путь!
Мы сумѣемъ взоромъ гордыни.
Смерти прямо въ пасть взглянуть!..

Истрадавшему брату
Наша жизнь посвящена.
На погибель супостату
Местью вся душа полна!..

И когда насилие злое
Насть въ глухой борьбѣ смететь,
Поколѣніе молодое
Снова къ счастью путь найдетъ!..

Клинz.

Возсіяй-же, свѣтъ
Яркая заря,
Сладостью привѣта
Въ небесахъ горя.
Вы проснитесь, силы
Родины моей:
Тяжкій сонъ могилы
Вреденъ для очей!..
И, въ стремлены къ свѣту,
Рыцарей лихихъ
Требуйте къ отвѣту —
Какъ враговъ своихъ!

— Носятся слухи о близкой отставкѣ министра
графа Толстого.

— Враки! министрамъ еще весьма аккуратно
жалованье выплачиваютъ!

Захотѣлось мнѣ свободы
Страсті!

Но измѣни дала невзгоды
Власть!..

Я о близкомъ возрожденыи
Пѣть,—

И, къ большому сожалѣнью,
Сѣть!..

Какъ Страна родила Свободу.

Когда Страна была еще молоденькой,
она спросила разъ своихъ нянекъ:

— Скажите-ка, милые: откуда поль-
ляется... Свобода?..

— Что ты!—закричали на нее нянки,—
какъ тебѣ не стыдно?! А еще скромнѣн-
кія!.. Тебѣ еще о такихъ вещахъ и го-
ворить нельзя!.. Свобода прямо съ неба
валится!..

— Да какъ-же это, нянюшки, съ неба
то она валится?

— А очень просто, — пояснили нянки,—
ты вотъ насть всегда слушайся; не спорь;
когда что отнимемъ, молчи... Ну, и больше
ничего!.. А, главное, о самой этой Свобо-
дѣ не шкоди!.. Вотъ она къ тебѣ съ
неба и свалится!..

И слушалась Страна, не спорила, — когда
у нея что отнимали, молчала, — а Свобода
все съ неба не падала!..

И надумала Страна, тайкомъ отъ нянекъ,
своихъ подругъ разспросить, откуда и
какъ у нихъ Свобода ягиласъ.

Тѣ только хихикинули въ отвѣтъ: — Ка-
кая-же ты, милочка, наивная!.. Въ такіе-
то годы!.. Свободу нужно самой родить,
иъ боляхъ и мукахъ выносить... Тогда у
тебя и будетъ Свобода!..

И захотѣлось страшно Странѣ имѣть
свою *родную* Свободу!

Заворчали нянки, поругались даже—
да и успокоились.

— Ладно! мы это дѣло устроимъ!..
И сосватали Страну за Произволъ...
— Плодитеся и множитесь, — ехидно
пожелали онѣ.

И родила Страна, въ страшныхъ му-
кахъ и боляхъ, сразу пять свободъ!.. Но,
не дотянувшись до зари, онѣ другъ за дру-
гомъ померли.

Пуще прежняго затосковала Страна, и
ужъ готова была отчаяваться, когда на
спасеніе явился ей Разумъ.

И полюбила она крѣпко Разумъ, отда-
ясь ему душою и тѣломъ, — и появив-
шись у нея *родная* Свобода...

Аз.

* * *

Народа изыманья,
Нечаль и страданья
Доселъ встрѣчали одинъ лишь отвѣтъ..
И для усмиренья
Гаухого волненья
Готовъ былъ березовой каши привѣтъ..

* * *

И силь не жалѣя,
Свой методъ делїя,
Отдавъ безразсудно жестокости давъ,
Для бойни кровавой,
Какъ-будто забавой—
Быть выбранъ теперь островокъ Береманъ!..

Смы.

На урокѣ въ семинаріи.

— Какіе пути—близкайшіе и Царствіе Небесное?
— Любери, Голутвино и Прибалтійскій край!..

Какой проектъ прошелъ бы теперь съ наибольшимъ успѣхомъ во всѣхъ, безъ исключенія, инстанціяхъ?

— Объ учрежденіи специального заведенія для подготовки... опытныхъ палачей!

Орелъ и птичій дворъ.

(Басня).

Съ вершины горъ
Во птичій дворъ
Орелъ могучій залетѣлъ
И между птицъ домашніхъ сѣлъ.
Орлу дивился птичій дворъ,
И даже овцы чрезъ заборъ
Смотрѣли глупо на орла...
Межъ тѣмъ прислуга донесла
О гостѣ рѣдкомъ—и тотчасъ
Пробилъ его послѣдній часъ:
Орла охотникъ застрѣлилъ!..

И выстрѣль птичій дворъ смущилъ,—

Но лишь на мигъ!

И снова крикъ

Безпечной утки прозвучалъ;
Конь гдѣ-то радостно заржалъ;
А куры шумною толпой
Въ навозѣ дрались межъ собой.
Лишь тамъ, гдѣ капельки крови
Оставили слѣды свои,
Пѣтухъ на низенькомъ суку,
Прогыгъ свое кука-реку!..

Капля.

Не говори: онъ умеръ,—онъ живетъ!..

Не говори: онъ умеръ... онъ живетъ!..

Не изыграй подъ бременемъ страданья!

Кровавый ликъ, средь райской сіянья,

Приютъ живой тебѣ оттуда шлетъ!..

*Пусть онъ сраженъ!.. Пусть пугаю
солнцовой*

Жестокій оракъ живую плоть пронизи!..

Но не изсякъ запасъ духовныхъ силъ

Предъ карою, безсмысленно сурою!..

*Онъ падъ въ борьбу!.. Но впѣ: изъ
рода въ родъ*

*Въ сердцахъ будить онъ будетъ кличъ
свободы!..*

Не падай-же подъ тяжестью невзгоды

И не тверди: онъ умеръ,—онъ живетъ!..

Заслуга бюрократіи.

Одна изъ самыхъ щѣнныхъ заслугъ бюрократіи—это ся упрощенная система выборовъ! Ибо, хватая лучшихъ людей страны и сажая ихъ въ тюрьмы, она сразу напѣчасть действительныхъ кандидатовъ въ действительную Государственную Думу...

Задержали,
Обыскали,
Привязали,
Разстрѣляли!..

Минску.

Плачте: въ городѣ твердить,
Что Курлова намъ прочать
Для столицы бургомистромъ,
А, быть можетъ, и министромъ!
Больно юрова крѣпка!..
Но твердить еще—пока.
Вы же раны проводите,—
А потому по ней служите!..

Одессѣ.

Посланъ вамъ лишь попечитель
Для учебныхъ заведеній.
А явился усмиритель,
Врагъ „крамолы и теченій“!..

Киеву.

Вся подъ тяжестью оковъ—
Матерь русскихъ городовъ.
Но терпи: лишь гриметь громъ,—
Вновь устроишъ ты погромъ!

Москвѣ.

„И передъ юною столицей“
Въ обиду не дала Москва
Кроваво-мрачною страницей
„Безумства храбрыхъ“ торжества!..

Столичный.**„К. О.“**

... Въ покыщеміи ограбленаго Купеческаго О-ва обнаружено двадцатицѣнныхъ доказательства: фальшивая борода и ключъ съ буквами: „К. О.“.

— Фальшивая борода и ключъ съ буквами: „К. О.“. Поди, разберись!..

И Иванъ Ивановичъ зашагаъ по кабинету.

— „К. О.“,—зомзъ онъ себѣ голову,—ко... ко... Комитетъ ослобъ, черть возьми!—и онъ съ ожесточеніемъ сплюнуль,—или— капиталы отниманы! ха-ха...»

— А, можетъ быть,—Конституціонная организація,—вставилъ Степанъ Степанычъ, —или же—карманы отомпрыни!

— Смотри у кого,—ѣдко перебилъ Иванъ Иванычъ,—у насть, что-ли, съ тобою!.. А у нихъ прохвостовъ, небось, теперь—карманы оттомпрыны!

Утверждаютъ, что Шараповъ и К°, въ случаѣ нужды и въ интересахъ поддержки, твердо рѣшили преподнести, по тому же адресу, не только серебряные ложки, но и портсигары, часы, подстаканники, канделябры, браслеты и прочее добро, въ изобилии накопленное ими во время еврейскихъ „безпорядковъ“.

— Какъ живется вашему приятелю?

— Гмъ... да... ничего!.. только онъ уже недѣля, какъ разстрѣлянъ!

Гдѣ закрываются школы, тамъ открываются тюрьмы.

Глуши, какъ пень, а бить не лѣни!..

* * *

Не сложна его карьера:

Съ кражей пойманъ; отсидѣть;

Сладость первого примѣра

Снова испытать хотѣть;

И за кражу вновь посажены;

Но въ „охранное“ вступить,—

И тяжелый грѣхъ заглаженъ;

Не жалѣть онъ ужъ силы!..

Клинъ.

— Тогда—крученіе основъ,—предложилъ снова Степанъ Степанычъ,—это у нихъ вѣроно, партія такая!..

— Полноте, Степанъ Степанычъ! со страху, чай, бредиши! не даешь только стать на точку... и придумашь-же, черты!.. А ужъ не комитетъ обороны-ли?.. активнаго противодѣйствія.. и проч.. Гмъ! да!.. того!.. А я тамъ почетнымъ соревнователемъ!..

— Крикъ отчаянья!.. Кровавая оргія!.. между тѣмъ, подбиралъ вслухъ Степанъ Степанычъ,—Кронштадтскій отецъ... гмъ!.. Крестынское общество... или сою...»

— Общество! общество!—заоралъ Иванъ Иванычъ,—очень просто: Купеческое общество! Обобрази и печать приложили!.. А то и сама себя баба высѣкала!..

— А какже на счетъ бороды-то?

— Извѣстно: фальшивая! не удивиши! Все теперь на этотъ самый манеръ! И объщенія фальшивыя, и спокойствіе фальшивое, и кредитки фальшивыя!.. Не фальшивыя одна только нынѣшняя русская дѣятельность!..

Красное О.

Вѣть иѣгой, вѣть лаской
Отъ сановнаго лица.
Жиромъ чуть заплыли глаза...
Лобъ высокій — жудрец!..
Въ добротѣ своей душевной
Цѣнить онъ Россіи гнетъ...
И, хоть яѣрою плачевной,—
Личить на казенный счетъ!..

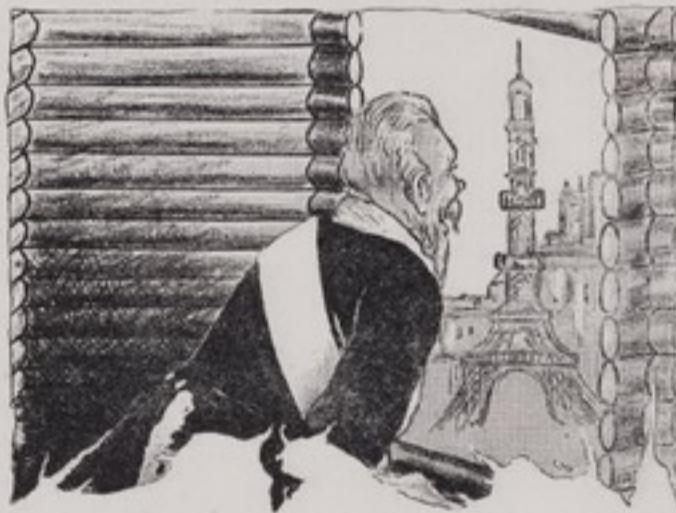
Проходили бравые —
И легли кровавые
Слѣды!
И среди селенія
Выросли смятенія —
Плоды!..

Изъ разговоровъ.

— На окнахъ Каменноостровскаго дворца графа Витте красуются билетики о сдачѣ дома вънаемъ. Куда же онъ, въ слу- чаѣ отставки, пере- фдетъ изъ Зимняго Дворца?

— О, не извольте беспокоиться! Госу- дарственная Дума по- заботится отвести для него другое ка- зенное помѣщеніе!..

Звукъ

Кто дѣлаетъ карьеру въ Портсмутѣ, а кто — въ портѣ — смутъ, — но... конецъ ихъ, вѣроятно, одинаковый.

„По телефону со Шмаковымъ Вѣль часъ бесѣду Дурново...“
Увы! какимъ несчастьемъ новымъ Грозить странѣ совѣтъ его?!

Клипъ.

— Говорять, что Шлиссельбургъ изъ вѣдомства Министерства Внутреннихъ Дѣлъ перешелъ въ вѣдомство М-ва Юсти- ціи?

— Но за то само М-во Юстиціи перешло въ вѣдѣніе М-ва Внутреннихъ Дѣлъ!..

Бюджетъ не по- зволяетъ строить но- выя тюрьмы, такъ... иль адъ ихъ, крамоль- никовъ! а нѣтъ, такъ ужъ въ рай, если и въ адъ яѣста не хва- титъ!

Эго.

По выборамъ

На Путиловскомъ заводѣ
Толковали о свободѣ...
Но за «дерзкія мечты»—
Переведены въ «Кресты!..

А въ саратовскомъ селеньи
Живо, безъ обмыла мгній,
Сходь священника избрали:
Такъ урядникъ приказалъ!

И въ торговомъ обиходѣ
Выбирали на свободѣ...
Но ужъ не случайно ли
Всѣ хозяева прошли?..

А въ собранияхъ фабричныхъ
Вѣрю—кто-то изъ «столичныхъ»
Вздумалъ выборы сорвать!
Ужъ ему не сдбровать!..

Такъ—подъ строгимъ «наблюденьемъ»
Выбирали по селеньямъ
И россійскимъ городамъ...
Жди: ужъ будешь Дука намъ!..

Маловѣрнымъ и скептикамъ!

Имѣемъ возможность разбить въ прахъ ваши
сомнѣнія относительно функционирования будущей
Думы: она, безъ сомнѣнія, будетъ! Доказательство:
на дняхъ около зданія Государственной Думы от-
риадь артиллеристовъ, съ четырьмя зарядными ящи-
ками, производилъ военные маневры, заключавшіеся
въ быстрыхъ поворотахъ, загѣдахъ и другихъ боевыхъ
движеніяхъ!

Упрощенный методъ всенародной переписи.

Въ Туль на каждого стражника выдали по
сотиѣ боевыхъ патроновъ. Помните эту сотню на
количество стражниковъ—и вы получите число туль-
скихъ обывателей.

(Предполагается, что стражники стрѣляютъ безъ
промаха.)

На улицѣ въ столицѣ.

Провинціалъ: Кто эти франты въ каракулевыхъ
пальто и форменныхъ фуражкахъ?

Столичный: Это уличные пролавы въ розницу
«Русскаго Государства».

Сыча.

Издатель И. М. Леви.

Редакторъ Издатель Н. Б. Тейтельбаумъ.

Отъ редакціи.

Художественный и литературный ма-
теріалъ, присыпаемый въ редакцію, дол-
женъ быть съ указаниемъ фамиліи и
адреса авторовъ, равно какъ и съ обоз-
наченіемъ условій гонорара. Возвратъ
рукописей для редакціи не обязателенъ.

Редакторъ принимаетъ, по дѣламъ
редакціи, по вторникамъ и субботамъ—
отъ 12 до 2 час. днія.

КОНТОРА журнала открыта ежедневно
отъ 10 до 12 ч. и отъ 5 до 7 ч. вечера.

Объявленія.

Открыта подписка на еженедѣльный художественно-сатирический
журналъ

«КЪ СВѢТУ»

Подписанія цѣна:	На годъ съ доставк. и перес. 4 р.—к.
	На полгода 2 , 50 .

Цѣна отдельного №-ра 10 к. Съ пересылкой 13 к.

Адресъ редакціи и конторы:

С.-Петербургъ, Пушкинская 16, кв. 15.

Bentley
Library
2006
Folio
563
1